

БЫЛ ЛИ КАРАМЗИН ЛИБЕРАЛОМ? (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

А.А. Кара-Мурза
Институт философии РАН

Аннотация: В статье анализируется полемика вокруг идейного наследия Н.М. Карамзина. По мнению автора, раннее творчество Карамзина, ставящее во главу «благо свободной личности», стоит у истоков русского либерализма. Дальнейшая трансформация идейно-политических взглядов Карамзина в сторону либерального консерватизма была связана с неверием Карамзина в прогрессивный потенциал отечественных реформаторов. Автор уточняет переводы с французского языка принципиальных текстов Карамзина, ранее искаженных в дореволюционной, советской и пост-советской историографии.

Ключевые слова: история политической мысли, либерализм, либеральный консерватизм, христианский либерализм, свобода, охранительство, самодержавие.

История эта достаточно известна. В конце 1819 г. Николай Михайлович Карамзин получил приватную аудиенцию у Александра I; вместе они пили чай в императорском кабинете и, по воспоминаниям Историка, «пробыли вместе, с глазу на глаз, пять часов, от осьми до часу за полночь». «Не хочу описывать всего разговора моего с Государем, — записал потом дома Карамзин, — но между прочим вот что я сказал Ему по-Французски: «Sire, Vous avez beaucoup d'amour-propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous egaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je l'aurais dit a Votre Pere... Sire, je meprise les liberalistes du jour: je n'aime que la liberte qu'aucun tyran ne peut m'oter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; Je Vous parle, peut-etre, pour la derniere fois». Этот небольшой фрагмент, найденный в личных бумагах Карамзина и названный им «К потомству», был опубликован затем в первой части «Неизданных сочинений» Карамзина» [Карамзин 1862: 9] и, став известным, вызвал полемику, которая продолжается и по сей день.

С дореволюционных времен в литературе закрепился «традиционный» перевод слов Карамзина, сказанных им в 1819 г. Государю, который вот уже многие десятилетия, с минимальными вариациями, кочует из одного издания в другое: «Государь! У вас много самолюбия. Я не боюсь ничего. Мы все равны перед Богом. Что говорю я вам, то сказал бы я вашему отцу, государь! Я презираю либералов нынешних (встречается вариант: «современных либералов» — А.К.), я люблю только ту свободу, которую никакой тиран не может у меня отнять... Я не прошу более вашего благоволения, я говорю с вами, может быть, в последний раз...» [Берков, Макогоненко 1964: 20].

В преддверии 250-летнего юбилея Н.М. Карамзина, пора, наконец, утвердить истину: привычный перевод не соответствует смыслу французских слов, сказанных Карамзиным.

Конкретно: ту, центральную фразу, ради которой весь фрагмент этот взхлеб цитируется русскими охранителями: «*Я презираю либералов нынешних...*». Карамзин *не произносил*. Любой человек, знающий французский (таких в России было и есть немало!) должен признать, что фразу «*je meprise les liberalistes du jour*» правильно перевести как: «Я презираю либералистов-однодневок» (возможны также варианты: «либералистов на день» или «дежурных либералистов»). Единственный, кто, насколько мне известно, точно передал смысл карамзинских слов, был Юрий Михайлович Лотман, который в небольшой статье 1988 г., опубликованной в скромном журнале «Литературная учеба», перевел так: «Государь, я презираю *скороспелых либералистов* (курсив мой — *А.К.*)» [Лотман 1988: 50], а затем повторил этот вариант в «Сотворении Карамзина» [Лотман 2015: 401].

Если говорить, о возможной «ошибке» в переводе, то она была бы простительна графоманствующему публицисту 1870-х гг. Серафиму Шашкову, всю жизнь страдавшему от нищеты и болезней и умершему в сорок лет, который, на основании подсмотренной у кого-то неверной цитаты, вдруг «прозрел» и вывел в «демократическом» журнале «Дело» едкую инвективу против Карамзина: «Сколько угодливости и искательности в этом человеке, который говорил: „я презираю современных либералов; я люблю только ту свободу, которой не может отнять у меня никакой тиран“... Нравственная личность этого человека далеко не так привлекательна, как ее до сих пор рисуют его поклонники» [Шишков 1871: 150–156]. Однако для людей более культурных, подобная «ошибка» (в случайности которой я сильно сомневаюсь), конечно же, непостыдна.

Как бы там ни было, вся эта история заставляет в очередной раз вернуться к теме «Карамзин и либералы», которую так сноровисто хотят раз-навсегда закрыть как ультраконсервативные апологеты Карамзина, так и его ультрадемократические ненавистники.

* * *

Согласно точному замечанию русского историка-эмигранта Виктора Владимировича Леонтовича (1902–1959) — автора фундаментального труда «История либерализма в России», «предоставление Карамзину места в развитии либерализма в России противоречит всем традиционным представлениям» [Леонтович 1995: 98]. Действительно, когда в 2004 г. российский Фонд «Либеральная миссия» готовил сборник биографических эссе о выдающихся русских либералах прошлого (в него тогда вошли 46 имен), составители сознательно не включили в него «очевидного консерватора», как тогда казалось, Карамзина: галерея русских либералов открывалась в той книге реформатором-конституционалистом Александровских времен М.М. Сперанским [Российский либерализм... 2004]. Не вошел Карамзин и в расширенную «галерею» «Либеральной миссии» 2007-го года, составившую уже 96 (!) персоналий. Это тем более примечательно, что новая объемистая книга (под тысячу страниц!) включила в себя либералов Екатерининской эпохи — Н.И. Панина, Н.И. Новикова, А.Р. Воронцова [Российский либерализм... 2007].

Между тем, сам В.В. Леонтович, полностью вразрез с обозначенной им традицией, отвел Н.М. Карамзину *целую главу* в своем фундаментальном исследовании по истории русского либерализма. Какова была его аргументация?

Включение Карамзина в отечественную либеральную традицию представлялось Леонтовичу *абсолютно принципиальным*: «Его (Карамзина — *А.К.*) идеи, его общий духовный подход и даже его личность сыграли положительную роль в развитии России как раз в либеральном направлении... Он старался всячески расширить те каналы, через которые могли проникнуть и действительно проникали в Россию либеральные идеи... Карамзин, как представитель сентиментального гуманизма, поддерживал как бы кристаллизацию некоторых укорененных в гуманизме предпосылок либерального мышления» [Леонтович 1995: 98].

Разумеется, слова: «сыграл положительную роль», «расширил каналы», «поддерживал кристаллизацию» и т. п. еще не делают Карамзина «либералом» в точном смысле, и Леонто-

вич хорошо понимал это. Гораздо важнее то, утверждал он, что Карамзин был убежден (и опыт правления Екатерины II подтверждал это), что «значительные элементы либеральной программы могут осуществляться и в рамках абсолютной монархии» [там же: 99]. Более того, Карамзин (Леонтович называет его «представителем либерального абсолютизма») «считал для абсолютной монархии возможным принять основные требования либерализма в качестве правительственной программы или даже в качестве основных принципов, на которых построено государство, при этом нисколько себе самой не повредив, и тем самым способствовал тому, чтобы направить русских монархов на путь либеральных реформ» [там же]. «По мнению Карамзина, — писал далее Леонтович, — не только возможно, но и необходимо, чтобы абсолютная монархия усваивала принципы либеральной идеологии. Проведение в жизнь либеральных реформ и принятие либеральных методов управления государством являются требованием справедливости, а, следовательно, и требованием нравственным» [там же].

Как представляется, намного дальше Леонтовича в определении природы «либерализма Карамзина» продвинулся крупнейший российский литературовед Борис Федорович Егоров (родившийся, к слову, в год столетия кончины Карамзина, в 1926 г.) — ближайший друг и единомышленник покойного Ю.М. Лотмана. В небольшой, но крайне принципиальной статье под характерным названием «Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина» [Егоров 1996: 480–490] Б.Ф. Егоров (весьма ценивший, кстати, книгу Леонтовича) совершенно справедливо начинает свое исследование с определения того, что же представляет собой сам «либерализм». Определение Егорова, предельно четкое и исчерпывающее, можно считать классическим: «Под либерализмом понимается идеологический комплекс, аксиологической вершиной которого является свободная личность. На этой вершине, а иначе можно сказать — на этом идеологическом фундаменте, основано все желаемое социально-политическое здание: общество и государство служат свободной личности; господствуют экономические свободы и частная собственность, свобода вероисповеданий, свобода слова, терпимое отношение к „чужому“, предпочитают, в противовес революционным ломкам, мирные и постепенные реформы» [там же: 480]. В этот общий контекст, по мнению Егорова, хорошо укладывается и «либеральный патриотизм»: «Патриотизм и теоретически не противостоит либерализму: личность свободно выбирает, в свете своих умственных и сердечных привязанностей, наиболее близкие и ценные для себя объекты: семью, друзей, отечество» [там же: 481].

В соответствии с выбранными критериями либерализма, вывод Б.Ф. Егорова абсолютно закономерен: Карамзин представляется ему *генетически первой* фигурой русского либерализма, проделавшей впоследствии сложную эволюцию (Егоров пишет о «многопутности и разнopersпективности карамзинских идей») [там же: 484]. Приведу это принципиальное утверждение полностью: «У истоков независимой, личностной общественно политической мысли России стоит Н.М. Карамзин, фигура настолько сложная, что невозможно его зачислить ни в либеральный, ни в консервативный лагерь; допустимо говорить лишь об элементах либерального мышления. Карамзин чрезвычайно высоко ценил честь и достоинство человека и весьма настороженно относился к нравам и возможностям массы; возможно, что глубокое убеждение в недискуссионной ценности для России самодержавного правления тоже базировалось у Карамзина на предпочтении сильной личности перед сомнительными прерогативами народа» [там же: 483].

Итак, согласно Егорову, *либералом* человека (ученого, идеолога, политика) делает центрированность (основанность) его идей и действий на приоритете «блага свободной личности». Кто и что может обеспечить это приоритетное благо — самодержавный монарх, конституция, народное представительство или что-то иное — *вопрос вторичный*. Поэтому, до тех пор, пока Карамзин в своих мыслях и сочинениях ставил во главу угла приоритет «свободной личности» — *он был либералом*: «От талантливой, яркой пропаганды внутренней свободы че-

ловека, пропаганды европейского просвещения, что было характерно для молодого Карамзина, художника и публициста, идет прямая дорога к русскому либерализму средней трети XIX века» [там же: 483–484]. И, соответственно, Карамзин перестает быть либералом, когда, вместо приоритета «свободной личности», его приоритетом становится Государство, а «судьба и ценность личностей становится как бы вторичной» [там же: 484].

Возможен, однако, и еще один, существенно иной ход размышлений относительно «либерализма Карамзина». Петр Бернгардович Струве (1870–1944), в зрелые годы не устававший подчеркивать свое идейное сродство с Карамзиным, называл его родоначальником *либерального консерватизма* (понятие, впервые сформулированное другом Карамзина — князем П.А. Вяземским) — «традиции русской, свободолобивой и охранительной в одно и то же время, государственной мысли», главным содержанием которой является активное неприятие «*засывающего и заманивающего суесловия и блудословия*» (курсив мой. — А.К.) [Струве 2004: 331]. К слову, к продолжателям этой традиции Струве относил Пушкина, самого Вяземского, Бориса Чичерина, «Вехи», «Московский еженедельник» братьев Трубецких и свои собственные очерки из сборника «Patriotica» [Кара-Мурза 2014: 157–181].

Думается, Карамзин согласился бы с такой оценкой своего идейного наследника: за свою жизнь он прооппонировал практически всем «лагерям» и «партиям», и его расхождения с ними были, прежде всего, *дискурсивные*, ибо оружием Карамзина было Слово (которое в христианской традиции суть Бог), а врагами — те самые «суесловие» и «блудословие», с каких бы сторон они ни исходили [Жукова 2010: 110–122]. И на этом пути десакрализации всякого «ложного слова», развенчания любой идеократии Карамзина не могли остановить ни блажь черни, ни лукавство царей, ни даже «скороспелые» заблуждения близких друзей.

В конце жизни Карамзин сам подтвердил свое *дискурсивное кредо* в «Мыслях об истинной свободе», написанных незадолго до смерти, в начале 1826 г. «Можно ли в нынешних книгах или журналах без жалости читать пышные слова? — печально-иронически вопрошает уже больной Карамзин, серьезно простудившийся 14 декабря близ Сенатской площади, где он с ужасом наблюдал вспышку братоубийства. — Настало время истины; истиною всё спасем; истиною всё ниспровергнем... Настало время истины: т. е. настало время спорить об ней!» [Карамзин 1982: 161]. И далее он раздает «по серьгам» всем своим оппонентам: «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод» [там же: 161–162].

Так на чьей же стороне Истина? «Для существа нравственного, — заключает свои заметки Карамзин, — нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божию. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к провидению!» [там же: 162]. Эта глубокая карамзинская формула в его, фактически, «Духовном завещании» 1826 г. о *личной свободе*, которую каждый человек может подарить «самому себе с помощью Божией» позволяет говорить о Карамзине, как об одном из русских зачинателей «христианского либерализма» — учения не столько политического, сколько культуроцентричного [Кара-Мурза, Жукова 2011; Кара-Мурза 2015: 187–208].

Генезис раннего карамзинского мировоззрения (на либеральный характер которого справедливо указывали Струве, Леонтович, Егоров) пришелся на определенный период отечественной истории. Прошло не так много лет после воцарения Екатерины II, и в русской культуре постепенно закрепились комплиментарная по отношению к «просвещенной Императрице», но и весьма историософски содержательная, антитеза «тело versus душа» в оценке направления нашей истории XVIII в. Когда весной 1770 г., в Санкт-Петербургской Академии художеств выставили для обозрения модель фальконетовского «Медного всадника», Алек-

сандр Сумароков сочинил стихотворную надпись «Ко статуе Государя Петра Великого», где выдал запоминающуюся метафору: «Петр дал нам бытие, Екатерина душу» [Сумароков 1781: 268]. Похожую формулу находим и в стихотворном послесловии Михаила Хераскова к его роману «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768): «Петр россам дал тела, Екатерина на душу» [Херасков 1803: 165; Кара-Мурза, Поляков 1994].

Однако не императрице, а литератору и историку Карамзину было суждено совершить великое дело — вдохнуть живую душу в тело созданной великим Петром Империи, наполнить самобытным гуманным смыслом самодержавный контур, не повредив при этом оболочку [см.: Жукова 2007: 56–60]. Верно заметил на сей счет историк С.М. Соловьев, выступая в Актовой зале Московского университета 1 декабря 1866 г., в день 100-летнего юбилея Карамзина: «После тревожной эпохи преобразования и переходного времени... произошла перемена в основном взгляде русских людей; они заявили свое недовольство одним *внешним* и требовали *внутреннего*, требовали *вложения души в тело* (везде курсив мой. — А.К.), и требование было удовлетворено... Вглядимся в эту мягкость черт Карамзина, припомним в нем это сочувствие к чувству, к нравственному содержанию человека, припомним его выражение, что чувством можно быть умнее людей умных умом» [Московские университетские известия 1866: 181].

Напомню, что доволюционный критик А.М. Скабичевский советовал всем читателям Карамзина «откинуть в сторону его политические взгляды», и посмотреть на него, как на «моралиста-прогрессиста», который «первый, вопреки средневековой догматике, начал проповедовать и свободу страстей, и право человека на земное счастье», что было по тем временам «неслыханной ересью» и вызвало натуральные доносы, где сочинения Карамзина объявлялись «исполненными вольнодумческого якобинского яда» [Скабичевский 1903: 210–213].

Загадку уникальности Карамзина в нашей культуре, похоже, разгадал П.Я. Чаадаев, который в письме А.И. Тургеневу (1838) писал о том, что он «с каждым днем более и более научается чтить память Карамзина», который становится для него символом победы человеческого ума над «фанатизмом» [Чаадаев 1989: 411–412]. Характерно, что именно Чаадаева — поклонника и последователя Карамзина — Б.В. Егоров предлагает «обоснованно считать первым русским либералом-западником» [Егоров 1996: 485].

Итак, Н.М. Карамзин имеет самое прямое отношение к русской либеральной традиции. Однако, как человек предельно честный (его жизнь и труды Пушкин назвал «подвигом честного человека» [Северные цветы 1827: 225]), Карамзин не мог не видеть легковесности многих современных ему «*liberalistes du jour*» (либералов «*дежурных*» или «*скороспелых*») — включая, кстати, и прекраснородушного прожектера-императора Александра. С другой стороны, Карамзина, как и его прямого наследника — Пушкина, смущала и пугала «толпа» в любых ее проявлениях: и непросвещенная «чернь», способная смести все достижения «свободных личностей»; и сонм придворных «сервилистов», «жадную толпой стоящие у трона» (Лермонтов); и, увы, его молодые современники из во многом взрощенной им самим «либералистской партии». Вспомним ироничное замечание Карамзина, брошенное им своему младшему другу и воспитаннику кн. П.А. Вяземскому «о либералах, которые не либеральны даже в разговорах» [Карамзин 1897: 98–99]. Прав, в очередной раз, Ю.М. Лотман: «Карамзин презирал либеральные фразы и высоко ценил человеческое достоинство» [Лотман 2015: 386].

Берков П., Макогоненко Г. 1964. Вступительная статья. — Карамзин Н.М. *Избранные сочинения в 2-х тт.* — Т. 1 — М.-Л.

Егоров Б.Ф. 1996. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина. — *Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век).* — М.

- Жукова О.А. 2007. Исторический образ России: традиция и традиционализм. — *Гуманитарные и социально-экономические науки*. — № 4.
- Жукова О.А. 2010. О мифологических соблазнах русской истории и культуры. — *Вопросы философии*. — № 4.
- Карамзин Н.М. 1862. *Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1.* — СПб.
- Карамзин Н.М. 1897. *Письма к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826.* — СПб.
- Карамзин Н.М. 1982. *Из записной книжки.* — М.
- Кара-Мурза А.А. 2014. «Концепция личной годности» П.Б. Струве: этапы развития. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2.
- Кара-Мурза А.А. 2015. На пути к христианскому либерализму: эволюция концепции «свободы» в трудах Г.П. Федотова. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1.
- Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. 2011. *Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре.* — М.
- Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. 1994. *Реформатор. Русские о Петре I.* — Иваново.
- Леонтович В.В. 1995. *История либерализма в России (1762–1914).* — М.
- Лотман Ю.М. 1988. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века». — *Литературная учеба* — № 4.
- Лотман Ю.М. 2015. *Сотворение Карамзина.* — СПб..
- Московские университетские известия 1866 — № 3.
- Российский либерализм... 2004. *Российский либерализм: идеи и люди* (отв. ред. А.А. Кара-Мурза). 2004. — М.
- Российский либерализм... 2007. *Российский либерализм: идеи и люди* (отв. ред. А.А. Кара-Мурза). 2007. — М.
- Северные цветы 1827. — СПб.
- Скабичевский А.М. 1903. *Сочинения в 2-х тт.* — Т. 1. — СПб.
- Струве П.Б. 2004. *Дневник политика. 1925–1935.* — М., Париж.
- Сумароков А.П. 1781. *Полное собрание сочинений.* — Ч. 1. — М.
- Херасков М. 1803. *Творения.* — Ч. XII. — М.
- Чаадаев П.Я. 1989. *Сочинения.* — М.
- Шашков С.С. 1871. Движение русской общественной мысли в начале XIX в. — *Дело.* — № 6.